

отличился сформированный в Таганроге полк т. Каски⁴⁵³. Командир полка погиб, и почти весь полк (2200 штыков) был истреблен...

К вечеру 1 мая немцы заняли гор. Таганрог...»

К этому времени эвакуация Ростова шла полным ходом. И всё же власти ещё надеялись, что смогут убедить немцев остановиться. По предложению В.С. Ковалёва утром 18 апреля (2 мая) Донской ЦИК отправил в занятый немцами Таганрог новую делегацию, в состав которой входили сам Ковалёв, Г.К. Орджоникидзе и ещё один представитель ЦИК. У станции Армянской делегация была задержана немецким патрулем, обезоружена и отправлена в Таганрог. Там делегаты заявили протест против своего, по сути, ареста. Позже, отправляя делегацию обратно, немцы личное оружие вернули.

Как свидетельствует Антонов-Овсеенко, тем же вечером Орджоникидзе вернулся и сообщил⁴⁵⁴, что Ковалёв вскоре прибудет на заседание ЦИК, а с ним, – германский генерал, уполномоченный вести переговоры. Причём этот генерал в предварительной беседе предлагал, якобы, впустить его войска в город без сопротивления, гарантируя «неприкосновенность» Советской власти и Красной гвардии. Помимо этого немец заявил делегатам, что, в ожидании директив своего главного командования готов на два дня приостановить наступление на Ростов.

Вскоре Ковалёв прибыл, но германского генерала с ним не было. Так или иначе, но немцы не предпринимали попыток занять Ростов в течение ещё нескольких дней. Впрочем, не ис-

⁴⁵³ Лишь по отрывочным сведениям, приводимым Антоновым-Овсеенко, мы можем судить об этом, безусловно, неординарном человеке, обладающим твёрдым и сильным характером и на деле доказавшим способность идти до конца.

⁴⁵⁴ В экстренном утреннем выпуске «Донских известий» (№ 29 от 04.05.18.) о переговорах сообщалось следующее: «...на вопрос, чем объяснить появление германских войск на территории Донской Республики, входящей в состав РСФСР, которая заключила Брест-Литовский мир с Германией, германский генерал ответил, что Украинское правительство пригласило их на помощь, восстановить границы Украинской Республики. Как же определяют эти границы – ему неизвестно. Он имеет приказ занять Ростов, как пункт важный в стратегическом отношении. Занимать Ростов они не торопятся».

ключено, не желая терять людей, немецкое командование ожидало, когда советские войска покинут город сами.

На объединённом заседании ЦИК Донской республики и исполкома Ростово-нахичеванского Совета уже глубокой ночью принято было решение о создании эвакуационной комиссии, которая лишь упорядочила успевший набрать обороты процесс эвакуации.

8.10. ВЫСТУПЛЕНИЕ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

То, что отдельные советские учреждения покидают город, не укрылось от глаз населения. Но заметили его и те, кто уже продолжительное время готовил в Ростове вооружённое восстание. Заметили и восприняли, как сигнал к немедленному выступлению⁴⁵⁵.

После ухода добровольцев в городе осталось немало людей, сочувствующих Корнилову. Сотни, если не тысячи, в той или иной степени, принимали участие в противостоянии. За два месяца их пристрастия вряд ли изменились. Осели в Ростове и тысячи боевых офицеров. Конечно же, втянувшись в мирную жизнь, обзаведясь хозяйством, а зачастую и кустарным производством, они и не думали, что вновь возьмут в руки оружие. Но пренебрежительные действия новых властей, массовые репрессии и расстрелы, в ряде случаев, без какого-либо разбирательства, разгул анархии заставили их пересмотреть свои взгляды. Многие посчитали, что нейтральными оставаться себе дороже.

С первых дней имели место случаи оказания помощи оставшимся в городе добровольцам и «чернецовцам». Раненых, несмотря на реальную угрозу для собственной жизни, укрывали. Иногородних – устраивали. Поначалу это были спонтанные действия случайных людей. Но со временем они находили друг друга. Устанавливались естественным образом связи, и, по

⁴⁵⁵ Обстоятельства последующего выступления приведены в статье «Конрреволюция в Ростове», подписанной Экке («Донская волна» № 11 от 19.08.18).

мере того, как движение набирало обороты, возникла необходимость ввести его в определённые организационные рамки.

Корниловым для подпольной работы в Ростове были оставлены доверенные лица во главе с И.А. Добрыньским, которому удалось сплотить вокруг себя значительную группу офицеров. Их деятельность заключалась поначалу в поддержании связи с Добровольческой армией. С марта поездки на Кубань и обратно сделались едва ли не регулярными и, как правило, обходились без происшествий⁴⁵⁶. Связных в них сопровождали желающие присоединиться к добровольцам.

Параллельно с Добрыньским в Ростове действовали оставленные Походным атаманом П.Х. Поповым студенты-казаки Свистунов и Коротков, которые до февраля входили в состав ростовской казачьей студенческой организации. Перебравшись из Новочеркасска, они смогли организовать учащуюся молодёжь и заручиться поддержкой «Союза увечных воинов», городской милиции и казаков Гниловской и Александровских станиц, расположенных в непосредственной близости от города.

К маю в организации Добрыньского числилось до 1500 человек. Под видом заводских рабочих дружин остановивших производство, а зачастую, и фиктивных фабрик были сформированы отряды⁴⁵⁷. Часть вооружения поступала при этом вполне

⁴⁵⁶ «Лишь однажды, – пишет Экке, – начальник команды связи Корниловского полка, поручик Натус был арестован в Тихорецкой, но во время препровождения в распоряжение следственной комиссии в Ростов в Батайске папирска его выручила – прикуривая, ему удалось придушить часового и с его документами бежать через окно вагона».

⁴⁵⁷ Удивительно, но столь масштабная подготовка к выступлению, по сути, до последнего оставалась вне зоны внимания сотрудников Чрезвычайной комиссии, что заставляет усомниться, если не в их чистоплотности, то в квалификации. Да и сам С.С. Турло был куда в большей степени публичным политиком, нежели организатором оперативной работы.

«Подтёлковская контрразведка, – пишет Экке, – руководимая артистом одной из местных трупп, нащупала предателя, но большей роли полученным, надо отдать справедливость, ценным, сведениям не дала. Основываясь же на письменном докладе начальника советской контрразведки чрезвычайному совещанию в «Палас-Отеле», доставленном на одну ночь разведке добровольческой, удалось наиболее опасным делу партизан лиц изъять».

официально со складов Красной гвардии. Речь, разумеется, шла о личном оружии, в основном, револьверах. Винтовок не хватало катастрофически. Тем не менее, предполагалось, что выступить люди могут в любой момент, едва получат приказ.

Однако Добрыньский предпочитал выжидать. По данным разведки в районе вокзала находились 17 отступивших с Украины эшелонов. Помимо этого, Советы располагали конным отрядом в 500 сабель, многочисленной Красной гвардией, четырьмя батареями, бронемашинами и стоявшим в порту траллером, вооружённым тяжёлым орудием.

Подавляющее превосходство советских войск и удерживало Добрыньского от преждевременного выступления. К тому же он понимал, что все полторы тысячи невооружённых людей на улицы не выйдут, выйдет, в лучшем, случае треть наиболее решительных. Поэтому приказ о выступлении не был им отдан ни во время «голубовского мятежа», ни позже, когда Новочеркасск на несколько дней был занят Фетисовым. Добровольцы и Степной отряд Попова были далеко, слухи о движении «банды Щербачёва» и казачьих волнениях весьма туманны. Выступать в одиночку, не рассчитывая на поддержку извне, было равносильно самоубийству.

16(29) апреля из подвалов банка стали вывозить ящики с медной разменной монетой. На запрос Союза фронтовиков и прибывшего по вызову экипажа «Колхиды» находившийся в банке комиссар финансов⁴⁵⁸ С.А. Дунаевский прямо заявил, что его действия властями санкционированы, и эвакуация Ростова вопрос решённый, «так как с запада наступают немцы».

Очевидно было, что Советы в самом скором времени оставят Ростов, и это заставило Добрыньского собрать членов штаба и командиров групп и поставить вопрос о выступлении. При этом мнения собравшихся разделились. Одни считали, что следует подождать, пока переправятся за Дон войска, и лишь тогда занять город. Другие, большинство, требовали действовать, чтобы «выбить большевиков, задержав их материаль-

⁴⁵⁸ От исполнительного комитета Ростово-Нахичеванского Совета.

ную часть». В итоге было решено выступить в ночь с 19 апреля (2 мая) на 20 апреля (3 мая).

Был разработан компромиссный план, который учитывал как нехватку, скорее даже, отсутствие оружия у значительной части повстанцев, так и определённые сомнения в решимости и подготовленности личного состава. Он предусматривал захват, в первую очередь, тех зданий и объектов, где вооружение и боеприпасы можно было быстро и в достаточном количестве захватить. Причём оговаривалось, что, если бы этого осуществить не удалось, выступление немедленно свёртывалось.

На первом этапе к 9 вечера группы собирались в заранее оговоренных местах, и ожидали сигнала. К этому времени вооружённый отряд должен был, предъявив подложный мандат службы связи советских войск⁴⁵⁹, занять порт со станцией Ростов-Пристань Юго-Восточной железной дороги, телеграф и захватить портовый ледокол «Фанагорию», на который незамедлительно переходил штаб во главе с Добрынским. Впоследствии из порта планировалось направить отряды для занятия центрo-гаража и расположенных в здании управления торгового мореплавания и в гостинице «Европа» складов с оружием. Предполагалось, используя захваченные автомобили, незамедлительно переправить его на территорию порта. Наконец, самый многочисленный отряд должен был захватить стоявший ниже железнодорожного моста траллер «Д. Диамантиди» и, отойдя от пристани на середину реки, открыть огонь из его 157-мм орудия по вокзалу, железнодорожным путям и находящимся на нём эшелонам. Эта стрельба и должна была послужить сигналом к началу второго этапа выступления, в ходе которого собравшимся в разных частях города отрядам надлежало атаковать заранее намеченные объекты, «Палас-отель», штабы и т.д.

В то время как на заседании ЦИК Донской республики и исполкома Ростово-нахичеванского Совета ещё обсуждались условия германского ультиматума, в городе началось восста-

ние. К 23 часам порт был занят, причём, тревогу никто не поднял. Без выстрела был захвачен и центрo-гараж, а с ним, броневик, вооружённый двумя пулемётами и несколько автомобилей. Все они были доставлены в порт. Впрочем, броневик «вследствие порчи» использовать не удалось.

Нападение же на здание управления торгового мореплавания было отбито. Охрана приняла добровольцев за грабителей и, не раздумывая, открыла огонь. По тому же сценарию развивались события у гостиницы «Европа». После недолгой перестрелки нападавшие, оставив на улице грузовой автомобиль с пулемётом «и кровавый след от унесённого с собой... раненого», рассеялись. Неудачей закончилась и попытка захвата вооружённого траллера. Когда отряд восставших вышел к мосту, выяснилось, что «Д. Диамантиди» накануне вечером, всего лишь пару часов назад, ушёл вниз по Дону.

Таким образом, склады с оружием и тяжёлое орудие захватить с налёта не удалось. Добрынский решил операцию отменить. Но в порту оставалось до 200 вооружённых добровольцев. Незаметно разойтись было для них затруднительно. К тому же, в городе власти уже начали проявлять некоторую обеспокоенность. Если нападения на здания ещё могли быть отнесены на действия бандитов, то молчание станции Ростов-Пристань в ответ на многочисленные запросы о состоянии подаваемых под загрузку эшелонов, не могло остаться незамеченным. От вокзала направили к станции вначале пеший, затем, конный отряды красногвардейцев. Оба они на подходе были разоружены. Но все понимали, этим дело не ограничится. Близился рассвет, а с ним, и неизбежная атака портовой территории значительными силами, которые, вне всякого сомнения, раздавили бы восставших.

И в этот момент на «Фанагорию» прибыла группа матросов с «Д. Диамантиди». Они сообщили о том, что траллер вблизи Гниловской станицы, за 5 километров от города, сел на мель, и потребовали направить пароход для его снятия. С этой целью к Гниловскому перекату были направлены катер управления порта «Татарин» и захваченный под утро пароход «Киев». Но

⁴⁵⁹ Начальником советской службы связи был внедрённый под видом «бывшего юнкера» штабс-капитан Ковалёв.

на «Киев» впопыхах не высадили вооружённую группу добровольцев, и, воспользовавшись этим, матросы от каких-либо действий в пользу восставших уклонились.

Отряд же, высланный на «Татарине», без сопротивления захватил застрявший на перекате траллер. Руководивший захватом офицер флота имел приказ, сразу же открыть артиллерийский огонь по вокзалу. Однако выполнить его он оказался не в силах. Изгиб реки скрывал и город и вокзал. Бить вслепую, не имея корректировщиков, офицер флота не решился. С донесением об этом обстоятельстве «Татарин» был послан обратно.

Но в городе уже успели поднять тревогу. У станции Ростов-Екатерининский катер обстреляли из пулемётов. Уйти было невозможно, и командовавший «Татарин» мичман Песковский был принуждён причалить к берегу, где и был арестован комендантом станции. Около 7 часов утра «Татарин» подошёл к «Д. Диамантиди» вновь. На борту его находился небольшой отряд красногвардейцев, которые передали от Песковского записку. В ней мичман сообщал, что захвачен, и если на траллере сложат оружие, всем, и ему в том числе, сохранят жизнь.

Восставшие не приняли капитуляции. Жертвуя Песковским, они разоружили красногвардейцев, сняли замок и прицельную панораму с орудия, и, погрузившись на «Татарин», ушли вниз по Дону. В течение дня катер дошёл до Таганрога. Здесь добровольцы узнали о том, что значительный отряд, сохранивший строй и форму Русской армии проследовал к Ростову, и пошли на соединение с ним. Любопытно, что оставленные на «Д. Диамантиди» красногвардейцы и экипаж, пребывали в полной уверенности, что Ростов восставшими захвачен. Посоветовавшись, они бросили траллер и переправились на левый берег Дона. Две недели, всеми забытый, простоял «Д. Диамантиди» на мели, после чего был зачислен в состав Донского войска.

В порту, между тем, ещё оставалось до сотни восставших. Погрузившись вместе со штабом на «Фанагорию», они пошли вверх по Дону. Однако вскоре, в русле реки, называемом Старым Доном, произошёл взрыв паропроводной трубы, и ледокол был вынужден, выбросится на отмель. Под угрозой примене-

ния оружия у оказавшихся поблизости рыбаков были «одолжены» лодки, на которых добровольцы и высадились на берег. При этом они выдавали себя за красногвардейцев, бежавших, якобы, из оставленного Советами города. Часть из них ушла в Батайск, часть – в Ольгинскую и Раздорскую. Некоторые вернулись в Ростов...

Неудача выступления объясняется разношерстным составом и отсутствием должной боевой и моральной подготовки значительной части его участников, большая часть которых состояла из учащейся молодёжи. Не имело оно и серьёзных последствий. «Ликвидировав это восстание, – пишет А. Падалкин⁴⁶⁰, – большевики разоружили «Союз увечных воинов», милицию⁴⁶¹, произвели многочисленные аресты и расстрелы среди «казачьего центра», подпольной казачьей студенческой организации. В результате 2-х месячная работа пропала даром и организованных антибольшевистских сил в городе не осталось».

Думается, на масштабные репрессии против участников выступления у советских органов уже не оставалось времени. В то же время, рассчитывать на его успех вряд ли приходилось изначально. Даже установив контроль над центром города, восставшие не сумели бы его удержать. Куда более многочисленная, организованная и боеспособная бригада Дроздовского в итоге вынуждена была уступить.

Ростов находился ещё под впечатлением ночных перестрелок, когда во второй половине дня 21 апреля (4 мая) «дроздовцы» вышли на подступы к городу. Всё последующее определялось двумя, казалось бы, противоречащими друг другу факторами. С одной стороны, сыграла свою роль осторожность М.Г. Дроздовского и установившаяся традиция вводить свои подразделения в бой по частям, после проведения разведывательных действий. С другой – допущенная им недооценка противника. После большого боя под Мелитополем, на протяжении

⁴⁶⁰ «Родимый край», № 80–81, 1969 г.

⁴⁶¹ На «Колхиду» приезжал Ф.М. Зявкин и лично просил экипаж «соблюдать нейтралитет».

длительного времени Бригада не встречала серьёзного сопротивления. Советские отряды откатывались перед ней. О том, чтобы отбить город, занятый «дроздовцами» не было и речи. И это неизбежно расхолаживало как командный состав, так и рядовых бойцов. К тому же совершенно не учитывалось стратегическое положение Ростова и то, в каком положении оказывались с потерей его советские войска.

На разведку в город был направлен разъезд под командой заместителя Дроздовского полковника М.К. Войналовича. Не встретив на пути ни одного красногвардейского отряда, разъезд со стороны Гниловской беспрепятственно вошёл в город и достиг здания вокзала. Уверенные, что Ростов уже оставлен Советами, «дроздовцы» вошли в здание вокзала. Но едва, пройдя зал ожидания, вышли на перрон, прямо перед собой, в нескольких шагах увидели множество солдатских эшелонов. Здесь у вокзала находились сотни, если не тысячи, красногвардейцев.

После секундного замешательства стороны одновременно открыли огонь. Шедший впереди Войналович был убит на месте. Остальные отступили и около часа, непрерывно отстреливаясь, удерживали здание вокзала. Всё же, уступая подавляющему численному перевесу противника, вынуждены были отступить и с боем прорываться из города.

Красногвардейцы восприняли эту перестрелку как продолжение ночного выступления. Сразу увидев, что на нападавших не германская форма, они нисколько не ступевались и приняли бой. Совершенно по-иному отнеслись к стрельбе у вокзала советские руководители. Точной информацией они не располагали.

О чём договорились на словах с немцами Орджоникидзе с Ковалёвым, неизвестно. Но то, что германские части в скором времени займут город, сомнений не вызывало. Перспектива быть отрезанными кем бы то ни было от моста через Дон, и попасть в руки немцев, того хуже, восставших казаков, руководящих работников не прельщала.

И едва «дроздовцы» были выбиты с привокзальной площа-

ди, они поспешили выбраться из города⁴⁶². На вокзале, среди прочих, находился и эшелон «Революционного агитационного отряда», эвакуировавшего из Новочеркасска деньги и банковские ценности. Он представлялся, да и был таковым, наиболее надёжным. «Бой на привокзальной площади постепенно ослабевал, – вспоминает Д.И. Рябышев. – Белогвардейцы отступали. Минут через 30–40 к нашему эшелону прибыли Серго Орджоникидзе, члены Донского правительства В.С. Ковалёв и И.А. Дорошев.

– В связи со сложившейся обстановкой, – сказал Орджоникидзе, – оставлять здесь ценности ни в коем случае нельзя.

Через несколько минут прибывшие товарищи и наш отряд погрузились в эшелон. Г.К. Орджоникидзе, Члены Донского правительства, Пономарёв и я ехали в мягком вагоне...»⁴⁶³

⁴⁶² Отдельные источники утверждают, что ещё и ранее, 21 апреля (4 мая), члены Донского ЦИК пытались покинуть Ростов. Так в заметке «Из прошлого» («Донская волна» № 22 от 01.11.18.) автор, известный под псевдонимом «Мин», пишет: «...был составлен специальный поезд, куда в среду на страстной и переселились с семьями и багажом комиссары города и Донской республики. В среду вечером было решено отправить этот поезд в Тихорецкую, ближайшую от Ростова резиденцию комиссаров. Уже подали паровоз и прицепили к классному составу поезда, как вдруг толпа красногвардейцев устремилась к этому поезду, отцепила паровоз с криками: «Уезжать? Нет, шалишь! Уедете последними! Сначала мы, а вы уж после всех». Когда С.Ф. Васильченко, чрезвычайный комендант г. Ростова, выхватил револьвер, желая разогнать взбешённую толпу, то и револьвера лишился, и с большим числом синяков вернулся к себе в вагон.

Зорко сторожили красноармейцы этот поезд, близко не допуская паровозов. Ночью выделили специальную охрану...

Бессемейные комиссары пытались проскользнуть с другими поездами, оставив багаж на произвол судьбы. Часть из них благополучно уехала, но некоторых, узнавая, с позором выбрасывали из вагонов. Лишь в пятницу... во время какой-то паники с большим трудом и риском комиссарам удалось прицепить паровоз и выбраться с ростовского вокзала».

Следует, конечно, учитывать, как симпатии автора, так и то, что степень достоверности изложенного определить затруднительно.

⁴⁶³ Эшелон, не задержавшись в Батайске, проследовал на Тихорецкую и далее, на Великокняжескую и Царицын. В Кущёвской анархисты, не без основания полагавшие, что помимо членов ЦИК, в поезде находятся и денежные суммы, пытались задержать его движение. Высланные «парламентёры», угрожая применением силы, предлагали «разделить золото пополам». Но, наблюдая установленное на открытой платформе орудие, поумерили пыл. До

Вид проходящего по мосту правительственного поезда послужил сигналом для стоявших у вокзала отрядов. Их командиры посчитали, что пора и им перебираться через Дон. Маневрируя на ограниченном пространстве, составы постепенно вытягивались в затылок друг другу и по очереди переправлялись на левый берег.

К этому времени основные силы «дроздовцев» подошли, наконец, к городу. Расставленные на холмах батареи открыли огонь по вокзалу, и это сразу же вызвало панику. Преобладала уверенность, что тяжёлыми орудиями могут располагать только лишь немцы. Сопротивления никто уже не оказывал. Все старались скорее проскочить на левый берег. Часть эшелонов была брошена.

«...в 16 часов 4 мая, – пишет Антонов-Овсеенко, – со стороны ст. Чалтырь неожиданно появились какие-то воинские части, прорвали нашу сторожевку и открыли орудийный огонь по Ростову. По свидетельству т. Ковалёва, в городе поднялась невообразимая суматоха. Слух о том, что это немцы обстреливают Ростов, вызвал отчаянную панику в наших частях. Беспорядок ещё увеличился, когда в самом городе белогвардейцы открыли стрельбу из домов.

Лишь ничтожная горсть смельчаков прикрывала отъезд наших эшелонов за Дон. ЦИК Донреспублики укатил прямо в Цабоестолкновения дело не дошло. Эшелон благополучно Кущёвскую миновал.

По свидетельству И. Разгона на станции Тихорецкой поезд был задержан. Сорокин, посчитавший эвакуацию властей из Ростова преждевременной и деморализующей войска, потребовал от Орджоникидзе объяснений. После продолжительного, малоприятного для обоих разговора, эшелон всё же пропустили на Царицын. В отличие от анархистов, ценностями Иван Лукич не интересовался.

Но этот эпизод без сомнения Сорокину запомнился. И впоследствии, за поведением властей в своём тылу он следил с особым пристрастием.

Следует также отметить, что по утверждению всё того же Мина («Донская волна» № 22 от 01.11.18.) в 2 часа дня 24 апреля (7 мая) в Тихорецкой состоялось совместное совещание, на котором, помимо прочего, было принято решение остановить и реорганизовать отступающую армию, для чего откомандировать обратно в Ростов М.И. Равиковича и П.П. Жука. Причём, оба выразили, якобы, своё согласие, 26 апреля (9 мая) вернулись в уже занятый немцами город, но, убедившись, что сделать уже ничего невозможно, тем же вечером покинули его вновь.

рицын... На месте, на станции Ростов, осталось большое количество невывезенных грузов. Отряд Дроздовского смог почти без потерь овладеть Ростовом. Тотчас же белые стали окапываться за городом и укрепляться в самом городе.

Но наши уже «очухались», выяснили, что перед ними не регулярная германская дивизия, а сборный белогвардейский отряд...

Вечером, в тот же день, наш бронепоезд бомбардировал Ростов из Батайска. На следующий день (это был первый день Пасхи) к 5 часам к Ростову подоспели наши части, отходившие от Новочеркаска, и, совместно с отрядами, сгруппировавшись в Батайске, повели наступление на город, подготовив его огнём 12 трёхдюймовых и 4 шестидюймовых орудий.

К 12 часам белогвардейцы были разбиты и, понеся большие потери, оставив на месте 6 орудий, до 70 пулемётов и до 100 повозок с военным имуществом, бежали из Ростова.

Проявившие беспечность, захваченные врасплох «дроздовцы» мгновенно были оттеснены к вокзалу, и вскоре оставили город. С таким противником, к тому же, превосходившим их численно в разы, за время похода сталкиваться им ещё не приходилось. Отходили в сгущающихся сумерках вразброд, прямо по путям. Подавленный, едва ли не теряющий самообладание, Дроздовский уводил свою бригаду на Чалтырь. Ускоренный марш к Новочеркасску, а с ним, и вернувшиеся, будто в сказке, перспективы и надежды, были впереди...

Упомянутые же Антоновым-Овсеенко «наши части» составляли ядро 1-й Украинской армии, и предыстория их появления в Ростове такова. Согласно разработанному М.Д. Бонч-Бруевичем плану, отходившие из Украины войска предполагалось не отводить куда-либо, а разместить вдоль границы. Составив южный участок «Завесы», они должны были прикрыть железнодорожную магистраль Ростов–Лиски и препятствовать дальнейшему распространению немцев, как в пределы Донской области, так и к Воронежу, создавая фланговую угрозу. Разумная, на первый взгляд, диспозиция уже не соответствовала сложившейся обстановке и наглядно свидетельствовала, насколько далеки

были в Совнарком от понимания разворачивающихся на Дону событий.

Не представлял себе характера и масштабов разгорающегося казачьего восстания и Антонов-Овсеенко. Но он видел другое. Войска, расположившись вдоль железной дороги, сразу попадали в крайне невыгодное для обороняющихся положение. Стоило противнику перерезать магистраль, части сразу же оказывались изолированными друг от друга. К тому же в тыл уходила одна лишь ветка, Лихая – Царицын. Если свобода манёвра в этих условиях и не отсутствовала вовсе, то о мобильности говорить не приходилось. Отрывочные сообщения о происходивших тут и там выступлениях вызвали особую тревогу. Выстраивать фронт, имея за спиной враждебно настроенное население, было невозможно.

Именно поэтому Антонов-Овсеенко до последнего нацеливал командиров отступать на Лиски и Воронеж. Командующий 1-й армией Харченко⁴⁶⁴ поначалу заверял, что директиву Главкома выполнит. Но, прибыв на Юго-Восточную магистраль, командарм-1 имел возможность, убедится, что сделать это будет не так-то просто. Даже и без воздействия противника, в спокойной, в общем-то, обстановке многочисленные эшелоны армии тут же стали в безнадёжной пробке⁴⁶⁵.

14(27) апреля комендант станции Зверево сообщил в Глав-

⁴⁶⁴ Вопрос о том, идёт ли речь о Н.В. Харченко, впоследствии отступавшем с Ворошиловым к Царицыну, либо же о ком-то другом, остаётся для меня открытым.

⁴⁶⁵ «На линии Чернухино – Зверево, – докладывал он, – на станциях и перегонах гуськом, один от другого на 20–30 сажен, на протяжении десятков вёрст растянулись эшелоны первой, второй и частью третьей армии. Паровозы под эшелонами по несколько недель не чистились, стоя всё время под парами. На промежуточных станциях водокачки не рассчитаны на снабжение водой такого количества паровозов, а на многих станциях водокачки совсем испорчены или их вовсе нет. Угля на промежуточных станциях также нет, а станция Зверево, несмотря на все принятые меры, принимает в сутки от 5 до 8 составов ввиду того, что станция сильно загромождена, а прибывающие паровозы ставятся на чистку топок и наборку воды и угля. Создалось такое положение: поезда стоят в пути, в степи и на станциях, гуськом один за другим, продвигаясь в сутки по 5–10 вёрст. Угля нет, воды нет, и приходится тушить в степи паровозы. Хлеб в некоторых отрядах на исходе, а в некоторых совсем нет его...»

штаб о том, что эшелоны 1-й армии повернули на юг и направляются к Ростову⁴⁶⁶. В течение суток Антонов-Овсеенко отправлял одну за другой телеграммы, напоминая, что армии надлежит следовать в противоположном направлении. Наконец, 15(28) апреля Харченко доложил следующее: «...Вчера в телеграммах и в разговоре представил Баранову и обрисовал положение 1-й и 2-й армий. У меня в 1-й армии более 30000 войск, а во второй более 3000... Сообщите, каково положение в сторону Миллерово и Чертково, потому что я сегодня несколько раз разговаривал с Чертковым, и сообщают, что нет никаких эшелонов и нет коменданта. ...И я с этими войсками... двинусь через Ростов – Батайск – Царицын...»

Движение на Царицын через Ростов, а не напрямую от Лихой было выбрано Харченко, по-видимому, по той причине, что немалая часть его войск уже находилась у Ростова и Таганрога. Как и любой воинский начальник, он стремился сохранить в своих руках все вверенные ему части. Едва лишь выяснилось, что Ростов занят, вся масса сосредоточенных в районе Новочеркаска советских войск устремилась на юг. Ростов нужно было отбить во что бы то ни стало. Иного пути, позволявшего вырваться из готовой захлопнуться ловушки, уже не оставалось.

В первой линии их было 15–20 тысяч, и части 1-й Украинской армии, пошедшие в бой, едва выгрузились из эшелонов, смяли «дроздовцев» и вытеснили из города. Дали бы бой и немцам, заступи они дорогу. Не случайно германские войска не спешили занимать Ростов, ожидая, когда последний воинский эшелон переберётся на левый берег. Не желая в любой момент вновь оказаться отрезанными, командиры советских отрядов

⁴⁶⁶ В этот день Главштабу удалось связаться с командованием 1-й армии, и работники армейского штаба пояснили: «Командарм 1-й находится в Зверево. Положение самое серьёзное как 1-й, так и 2-й армий. В сторону Чертково все станции забиты поездами. Почти на каждой станции бывают крушения. От Лихой в сторону Царицына путь взорван и мост также... На расстоянии 4 станций стоит 60 эшелонов, паровозы горят, станция Зверево забита, люди и лошади голодают... Немец двигается со стороны Дебальцево, и должно быть сегодня Миллерово будет отрезано. Это приведёт к тому, что люди бросят все эшелоны и будут удирать все куда попало...»

торопились именно это, и сделать и в Ростове, в большинстве своём, не задерживались. Эшелоны следовали один за другим сплошным потоком. Потом движение прекратилось. Все, кто успел, переправились за Дон.

Поддерживать правопорядок в оставленном уже властями городе пыталась лишь ростовская милиция. Источники упоминают в этой связи члена городской управы В.Д. Яхлакова и председателя «Союза увечных воинов» штабс-капитана Андреева. По всей видимости, оба они не интересовались политикой и в выступлении участия не принимали. Но, вместе с тем, считали своим долгом сделать всё возможное для обеспечения безопасности горожан.

«Ещё с первых дней страстной недели, – пишет в статье «Страстные дни в Ростове» неизвестный автор, подписавшийся С-ый, – ввиду несомненных признаков бегства ростовских большевистских комиссаров... Яхлаков издал приказ по милиции, где всем милиционерам предлагалось не покидать город, а, сохраняя винтовки у себя на дому, ожидать дальнейших распоряжений, цель коих – спасти город от надвигающихся грабежей и погромов.

Через два дня В.Д. Яхлаков поместил всех милиционеров по участкам, причём в приказе по этому поводу было сказано: «...без моего приказа на улицу вооружёнными не выходить, иметь постоянную связь между участками, и ночью всем милиционерам и начальникам из участков не уходить».

Милиционеры, как известно, дочиста ограбленные большевиками, пылали мщением, и В.Д. Яхлакову с большим трудом удавалось сдерживать проявления этого гнева, ибо преждевременное и неорганизованное выступление могло погубить бесцельно организацию охраны»⁴⁶⁷.

Все эти действия производились по личной инициативе Яхлакова и с властями не согласовывались. Тем не менее, ему удалось организовать два отряда: милиционеров, находящихся под его командой и вооружённых офицеров и солдат «Союза увечных воинов» под началом Андреева. Причём, часть группы

Андреева, 15–20 человек заняли здание городской управы и обеспечивали его охрану.

Милиция «полуофициально» стала пресекать попытки грабежей, и ей никто не препятствовал. С-ый утверждает, что по инициативе Турло было принято решение, разоружить милиционеров. Но после выступления было уже не до них. Яхлаков пытался как-то договориться с оставшимися в городе комиссарами. Однако те, опасаясь нового восстания, наотрез ему отказали.

21 апреля (4 мая) в Ростов вошли «дроздовцы». На следующий день они были выбиты из города. Часть занявших Ростов советских отрядов приняли участие в реквизициях на Большой Садовой. Прибывшие милиционеры даже не пытались им помешать, так как им противостояли воинские подразделения. К 2 часам дня Яхлакову стало известно, что после отъезда членов ЦИК Донской республики властные полномочия перешли к бывшему милиционеру 6-го участка Андрею Малову⁴⁶⁸.

Яхлаков говорил с ним, но Малов отказался пойти навстречу и сразу заявил:

– Если хоть один из моих людей будет убит, я буду обстреливать город артиллерией. Никакой милиции я не потерплю. Знаем мы вашего брата, офицеров!

Между ними сразу же установились неприязненные отношения, и от новых переговоров Яхлаков отказался. Вместо него в 10 вечера 22 апреля (5 мая) в «Палас-отель» направились помощник начальника 6-го участка милиции Преображенский и председатель «Союза увечных воинов» Андреев. Их визит оказался куда более успешным. Малов согласился признать милицию и увечных воинов «организацией правопорядка». После совещания он подписал следующий приказ:

«Обязанности по охране гг. Ростова и Нахичевани на Дону от погромов и грабежей возлагаются на народную⁴⁶⁹ милицию и «Союз увечных воинов». Всем солдатам социалистической

⁴⁶⁸ Помимо прочего Малов был известен тем, что в своё время безуспешно пытался проводить мобилизацию.

⁴⁶⁹ Преображенский настаивал на прилагательном «городская», но Малов отказал.

⁴⁶⁷ «Донская волна» № 22 от 01.11.18.

армии, судну «Колхида»⁴⁷⁰», рабочим дружинам и всем гражданам вменяется в обязанность всемерное содействие городской милиции при восстановлении порядка и спокойствия. Попытки грабежа, погромов и самочинные обыски будут караться самыми строгими мерами до расстрелов включительно. За помощью обращаться в соответствующие милиционные участки. Штаб милиции находится в 1-м участке.

Командующий ростовским гарнизоном революционной армии
А. Малов.

Командир 2-го таганрогского революционного полка
Родионов.

Комендант города
Крылов.

Заместитель коменданта
Бабкин.

Член управы
В.Д. Яхлаков»⁴⁷¹.

Получив официальный разрешительный документ, Яхлаков и Андреев стали действовать куда активнее. Удалось «раздобыть» два грузовика, Красная гвардия выделила милиционерам до двухсот винтовок и несколько ящиков с патронами. Но 23 апреля (6 мая) Яхлакова известили о том, что Малов уже сожалеет о принятом решении, и ему, хотя бы на время, следует скрыться.

В то же время также выяснилось, что Малов перебрался в эшелон, стоявший на вокзале, Крылов от обязанностей коменданта отказался, и вместо него назначен А. Шамбров. Андреев вновь прибыл в «Палас-отель», где Шамбров выдал ему мандат: «Обязанности начальника охраны города возлагаются на председателя союза увеч. и ран. воинов тов. Андреева».

В полдень 24 апреля (7 мая) в помещении 4-го участка состоялось совещание, в котором приняли участие Яхлаков, Андреев и городской голова Петренко. Решение было единодушным: «Защищать город от погромов до последней возможности!»

⁴⁷⁰ Подумав, Малов упоминание о «Колхиде» из приказа вычеркнул. Успели распространиться слухи о том, что в самом начале выступления штаб Добрынского располагался как раз на борту яхты.

⁴⁷¹ Это строчка также была Маловым вычеркнута.

В этот момент стороны Большого проспекта⁴⁷², где располагался «Союз увечных воинов» раздалась интенсивная стрельба. Слышались и разрывы гранат. Вступить в весьма вероятное боестолкновение со строевой частью милиция не могла. Андреев, Яхлаков и С-ый вновь направились в «Палас-отель». Охрана, два десятка солдат, сообщили им о том, что Шамбров также сложил с себя обязанности коменданта и уже на вокзале. Пришлось ехать туда.

Отряд красногвардейцев митинговал прямо на путях. С большим трудом удалось найти Малова. Яхлакову советовали от встречи с «главнокомандующим» воздержаться, но только отмахнулся. По свидетельству автора статьи состоялся следующий разговор.

Яхлаков. – Товарищ Малов! На совещании... вы решили передать охрану города милиции и «Союзу увечных воинов». Мы вам поверили. А сейчас ваши люди напали на «Союз увечных воинов», потом очередь за милицией. Дайте нам какую-нибудь помощь! Ведь страдают от пули одинаково и буржуй, и рабочий!

Малов. – Я ничего не знаю. Я не посылаю на грабёж. Защищайтесь, как знаете.

Яхлаков. – Но как же мы будем защищаться, когда у нас нет ни артиллерии, ни пулемётов? Дайте нам хотя бы комиссаров по участкам. Мы не находим общего языка с вашими войсками. Ваши комиссары, быть может, смогут сговориться...

Малов. – Как бы не так! Чтобы вы их там задушили?

Андреев. – Зачем же мы их будем душить? Просим ещё: дайте хоть небольшой отряд, чтобы разогнать банды грабителей.

Малов (указывая пальцем на Яхлакова). – А вот не верю я этому офицеру...

Андреев. – Так будьте любезны, товарищ Малов, дайте нам помощь!

Малов. – Ну, хорошо. Я вас, товарищ Андреев, назначаю комендантом города. Наберите из моих людей отряд и охраняйте город.

⁴⁷² Ныне проспект Ворошиловский.

Андреев. – Нет-нет... Я ведь не состою в Красной армии и не могу быть комендантом. Я не ваш человек, и меня слушаться никто не будет. Моё назначение будет бесполезным.

Малов. – Ну, так чёрт с вами. Я и без вас устал. Вот уже четыре ночи не сплю...

Яхлаков. – Неужели вы хотите, товарищ Малов, чтобы женщины и дети пролетариата посылали вам проклятия за то, что вы оставили их беззащитными. Помните, что дома буржуев крепки, их пуль не пробьёшь. А ветхую лачугу рабочего пробивает любая пуля. Страдает рабочий, страдает бедняк...

Малов. – Ну, хорошо. Я назначу начальником охраны Радкевича⁴⁷³.

Тут же Малов на листке бумаги написал: «Приказ. Тов. Радкевича назначаю ис. об. начальника охраны по борьбе с преступностью в гор. Ростове и Нахичевани на Дону. Главнокомандующий арм. А. Малов. 7/V-1918 г». Перевернув листок, добавил на другой стороне: «Союзу увечных воинов предписываю быть в контакте с милицией и работать всецело по борьбе с преступностью. Главнокомандующий А. Малов».

«Вышли мы с вокзала, – вспоминает С-ый. – Член управы Яхлаков поехал разыскивать Радкевича, чтобы с его помощью получить от Малова людей и вооружение, а мы со штабс-капитаном Андреевым пошли спасать союз увечных воинов. Это было в 1 час дня. А в 7 часов и Малов, и его войска уже бежали в Батайск...»

Можно, конечно, сомневаться в словах автора статьи и в подлинности приводимых им документов. Да и представленный диалог в его изложении выглядит слишком уж патетическим. Но одно очевидно. Ростов, который, все понимали, Советы должны были оставить в ближайшие часы, погружался в хаос. Впрочем, всё это не имело уже решающего значения.

Ранее, 23 апреля (6 мая), Малов издал один из последних своих «боевых» приказов: «Всем начальникам эшелонов, – прописывалось в нём, – приготовить людей к бою и выставить на

⁴⁷³ Начальник 6-го милиционного участка, под командой которого в своё время служил А. Малов.

1½ версты от эшелонов застав[ы], а кавалерии отправиться в разведку в сторону Кизитеровки⁴⁷⁴.

Главнокомандующий армией А. Малов»

Но войсками, способными и желающими выполнить столь амбициозное распоряжение, Советы в Ростове уже не располагали. Большинство эшелонов находились далеко за Доном. Отставшие случайные составы торопились проскочить вслед за ними и на подобные приказы не реагировали. Решившие не покидать город рабочие-красногвардейцы, попрятав винтовки, разошлись по домам. Да и самой Советской власти фактически уже не существовало.

25 апреля (8 мая) немцы с запада, а казаки разъезды с севера приблизились к окраинам и беспрепятственно вошли в Ростов.

8.11. ГИБЕЛЬ ЭКСПЕДИЦИИ ПОДТЁЛКОВА

Идея отправки мобилизационной экспедиции не родилась и не была реализована спонтанно. Она вызревала в течение определённого времени, и явилась естественным завершением целой череды попыток проведения военно-мобилизационных мероприятий.

К моменту падения Донская республика практически не располагала собственной военной силой. И это не случайно. Те из рабочих, кто готов был сражаться за Советы, уже записались в Красную гвардию. Рассчитывать на обывателей, и без того разочарованных и обозлённых, тем более, на офицеров, явно не приходилось⁴⁷⁵. Оставались казаки. И. Горелов утверждает,

⁴⁷⁴ Так в тексте. Имеется в виду станция Кизитеринка, расположенная непосредственно у окраины Нахичевани.

⁴⁷⁵ Заслуживающие внимания соображения приводит Д.И. Рябышев. «Подтёлков, – пишет он, – мог произвести формирование войсковых частей из рабочих отрядов Александровск-Грушевского, Сулина (до 5 тыс. человек), из таганрогских рабочих (до 3 тысяч человек), из миллеровских, глубокинских, каменских, лиховских железнодорожников, ремесленников и крестьян-бедняков из прилегающих к станциям сёл (до 5 тысяч человек); в самом Ростове можно было призвать до 5 тысяч рабочих промышленных предприятий...»